

Леонид Андреев. Оригинальный человек

Оригинал находится здесь: [Библиотека. Леонид Андреев.](#)

Наступила минута молчания, и среди лязга ножей о тарелки, смутного говора за дальними столами, шороха одежды и поскрипывания полов под быстрыми ногами лакеев чей-то тихий и кроткий голос произнес:

- А я люблю негритянок!

Антон Иванович поперхнулся водкой, которую глотал; собиравший посуду лакей исподлобья бросил безразлично-любопытный взгляд, все с изумлением обернулись к говорившему, - и тут впервые увидели дробное личико с рыжими усиками, концы которых намокли в водке и шах и темнели, бесцветные маленькие глазки и тщательно причесанную головку Семена Васильевича Котельникова. Пять лет служили они вместе с Котельниковым, каждый день здоровались с ним и прощались, и о чем-то говорили, всякое двадцатое число после получки жалованья вместе с ним обедали в ресторане, как сегодня, и первый раз увидели его. Увидели и изумились. Оказалось, что Семен Васильевич даже недурен, если не считать усиков и веснушек, похожих на грязные брызги от резиновой шины, что он хорошо одевается, и высокий белый воротничок у него самый чистый, хоть и бумажный.

Прокашлявшись, Антон Иванович, столоначальник, еще красный от напряжения, внимательно и любопытно оглядел выпученными глазами смутившегося Семена Васильевича и, задышав, с ударением спросил:

- Так вы, Семен... как вас?

- Семен Васильевич, - напомнил Котельников и выговорил не "Василич", а полностью: "Васильевич", и это всем понравилось, как выражение чувства достоинства и самоуважения.

- Так вы, Семен Васильевич... любите негритянок?

- Да, я очень люблю негритянок.

И голос у него был хотя и тихонький и как будто немного сморщенный, как залежавшаяся щуплая репа, но приятный. Антон Иванович поджал нижнюю губу, так что седые усы уперлись в самый кончик красного, с ямочками, носа, обвел всех чиновников округлившимися глазами и, выдержав необходимую паузу, густо и сочно захохотал:

- Ха-ха-ха! Он любит негритянок! Ха-ха-ха!

И все дружно засмеялись, и толстый и мрачный Ползиков, вообще не умеющий смеяться, болезненно заржал: ги-ги-ги! Семен Васильевич тоже хохотал тихоньким и дробным, как сухой горох, смешком, краснел от удовольствия, но в то же время слегка боялся: не вышло бы каких неприятностей.

- Да вы это серьезно? - спросил Антон Иванович, отсмеявшись.

- Вполне серьезно-с. В них, в этих черных женщинах, есть нечто такое пламенное, или, как бы это вам пояснить, экзотическое.

- Экзотическое?

И опять все прыснули, но, смеясь, соображали, что Семен Васильевич даже образованный и умный человек, так как знает такое редкое слово: экзотический. Потом начали с жаром доказывать, что негритянок любить нельзя: они черные, маслянистые, у них невозможно толстые губы, и от них пахнет чем-то дурным.

- А я люблю! - скромно настаивал Семен Васильевич.

- Вольному воля, - решил Антон Иванович. - А я скорее козу полюблю, чем эту черномазую.

Но всем стало приятно, что среди них, на правах их товарища, находится такой оригинальный человек, который серьезно любит негритянок, и по этому случаю заказали еще полдюжины пива, а на соседние столы, где не было оригинальных людей, стали смотреть с некоторым презрением. И говорить начали громче и развязнее, а Семен Васильевич перестал сам зажигать спичку для своей папиросы и ждал, пока подаст огня лакей. Когда пиво было выпито и заказали еще, толстый Ползиков сурово поглядел на Семена Васильевича и с упреком сказал:

- Почему мы с вами, господин Котельников, до сих пор на "вы"? Кажется, в одном ведь отделении лямку трем. Нужно брудершафт выпить, если вы порядочный человек.